

УДК 81.373; 001.4

М.Г. Бакшеева

Конверсия – специфический прием топонимообразования

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать специфику топонимической конверсии как способа образования онимов.

Ключевые слова: конверсия, топоним, топонимическая конверсия.

M.G. Baksheeva

Conversion – a specific method of toponym formation

Summary. The article analyzes the specificity of toponymic conversion as a way of onym formation.

Keywords: conversion, toponym, toponymic conversion.

Целью статьи является анализ имеющихся в лингвистической литературе мнений относительно использования термина конверсия в топонимообразовании.

В качестве иллюстративного материала используются онимы, функционирующие на территории города Тобольска и его окрестностей.

Способы пополнения топонимического словаря, как известно, очень разнообразны: он может увеличиваться, во-первых, за счет создания слов на основе собственного языкового материала, во-вторых, за счет заимствованных слов. Интересующий нас словопроизводный процесс – топонимическая конверсия – в лингвистической литературе относят к вторичной номинации, под которой понимают использование уже имеющихся номинативных средств в новой для них функции. Следовательно, новая номинативная единица создается путем использования уже имеющихся языковых элементов, или внутренних ресурсов языка.

Говоря о расширении словарного состава языка за счет внутренних ресурсов, необходимо отметить, что новые слова могут образовываться не только путем префиксального, суффиксального, префиксально-суффиксального и др. словопроизводства, но также путем изменения совокупности форм вновь образованного слова, его парадигмы.

Особый интерес для изучения словообразования того или иного языка представляют те случаи, когда грамматическое (морфологическое) оформление слова предстает в качестве единственного словообразовательного средства. Рассматривая процессы деривации, протекающие без осложнения основы мотивирующего слова словообразовательными аффиксами, приходится соприкасаться с проблемой функционирования в современном языкознании большого количества терминов, представляющих для нас интерес.

Так, В.В. Лопатин в своей кандидатской диссертации «Способы именного словообразования в современном русском языке (нулевая аффиксация, субстантивация)» относит нулевую аффиксацию и субстантивацию к так называемому «словообразованию с невыраженной производностью». Автор обращает внимание на тот факт, что в романо-германистике некоторые лингвисты (ссылка на М. Докулила) объединяют безаффиксное словообразование и субстантивацию с понятиями несобственной деривации (конверсии) [1, 4]. В русистике же данные способы разграничиваются, а это свидетельствует об отсутствии единства в решении данного вопроса и его слабой изученности с системно-словообразовательной точки зрения.

Как отечественные, так и зарубежные лингвисты образование нового слова без использования каких-либо словообразовательных элементов терминологически по-разному. Так, А.А. Шахматов считал, что «одни части речи могут переходить в другие, не изменяя формы», а результат перехода – новое слово, точнее его семантико-грамматическое переоформление [2, 423]. Л.В. Щерба в докторской диссертации «Восточно-лужицкое наречие» указал один из трех важных способов словообразования – это способ «обозначения новых понятий путем иного применения старых слов» [3, 17]. В.В. Виноградов в свою очередь терминовал это явление как лексико-семантический способ словообразования [4, 213]. В числе трех основных словообразовательных способов в современном русском языке З.А. Потиха называет морфолого-синтаксический. Суть способа, по его мнению, заключена в переходе слова в определенных синтаксических условиях из одной части речи в другую без внешних изменений [5, 151].

Н.П. Голубева считает, что для характеристики явлений переходности из одной категории в другую более удобен термин трансформация, так как переходность в системе частей речи – одна из разновидностей трансформации [6, 1-4]. В процессе трансформации уже известные грамматические формы приобретают новые лексико-грамматические значения, вступают в состав других грамматических категорий. При этом они приобретают способность к изменению смыслового объема: сужению или расширению. Так понимается этот процесс А.Ф. Журавлевым [7, 50-59].

В.Н. Немченко предлагает считать морфолого-синтаксическое словообразование «особой» разновидностью флексийного (фонетико-морфологического, безаффиксального, бессуффиксального) словообразования. Видимо, в эти термины он вкладывает тот же смысл [8, 112-120].

В.В. Лопатин, ссылаясь на работы М. Докулила и А.И. Смирницкого, называющих данный способ словообразования конверсией, а также на работу Н. Марчанда, который вводит понятие «деривация при помощи нулевой морфемы», в принципе, не возражая против термина конверсия, строго разграничивает конверсию и нулевую аффиксацию, а когда речь заходит о случаях: золото – золотой, синий – синь..., отдает предпочтение термину нулевая аффиксация [1, 76-87].

Н.Д. Арутюнова дополняет ряд определенных, вводя в оборот термины «обратная деривация», «несобственная деривация». Суть способа, называемого вышеуказанными терминами, автор видит в создании слов «без участия специальных словообразовательных морфем. Основы новых слов не содержат поэтому аффиксов» [9, 78].

Ю.В. Потапов [10, 11-14], А.А. Кизюкевич [11, 1-17] явление переходности называют «словообразовательной транспозицией».

Многие языковеды именуют рассматриваемый процесс КОНВЕРСИЕЙ (А.И. Смирницкий, М. Докулил, Е.Г. Сошальская, С.П. Сафронова, П.А. Соболева, Н.В. Смирнова, Ю.А. Жлуктенко, Ю.С. Степанов, И.А. Мельчук, Е.С. Кубрякова, В.М. Никитевич и др.).

Вслед за А.В. Суперанской и Н.К. Фроловым, мы придерживаемся мнения, что именно термин КОНВЕРСИЯ целесообразнее использовать в топонимике при описании перехода апеллятива в оном без использования словообразовательных аффиксов. В связи с этим попытаемся ввести понятие «словообразовательной конверсии» в область топонимологии, сформулировав рабочее определение, очертив круг языковых единиц, способных соотноситься по топонимической конверсии.

Термин КОНВЕРСИЯ (лат. *conversio* – «изменение, превращение») применяется в разных областях научных знаний. В лингвистике, однако, он трактуется далеко не однозначно.

С.П. Сафронова в работе «Конверсия в древнеанглийском языке» дала краткий обзор суждений зарубежных языковедов, занимавшихся вопросами лингвистической конверсии. Оказалось, что в 50-е гг. были известны две точки зрения, касающиеся явлений конверсии. Так, некоторые зарубежные лингвисты трактуют конверсию как употребление одного и того же слова (Ж. Кеннеди, Ж. Вандриес) либо как употребление одной и той же формы слова в функции разных частей речи (О. Есперсен), т.е. здесь речь идет о «переходе» из одной части речи в другую. Иного мнения придерживается основоположник теории конверсии Г. Суит, который отметил некоторое сходство «конверсии» и «словопроизводства». Д. Ли, М. Бизе признают конверсию словообразовательным средством, хотя конверсия трактуется ими всего лишь как различное функционирование одной и той же языковой единицы [12, 4]. Н. Марчанд считает, что конверсия обязательно должна сопровождаться употреблением слова в несвойственной ему синтаксической функции, без изменений морфологических и лексических [1, 77]. Следовательно, лингвисты подводят под «конверсию» самые разные языковые явления и не ставят вопрос о словообразовательном механизме конверсии.

В советском языкознании А.И. Смирницкий в 1950-е годы впервые сформулировал довольно четкое определение конверсии, ответив на вопрос, что является словообразовательным средством при конверсии. А.И. Смирницкий утверждает, что конверсия – это не просто изменение лексического значения слова или его синтаксической функции, что назвать конверсию просто «переходом из одной части речи в другую» (именно так толковали (понимали) конверсию до него) недостаточно, т.к. это в конечном счете ничего не дает, а главное то, что конверсия – это способ словообразования, т.к. в результате этого процесса получается новое слово. Конверсия, по Смирницкому, – это

вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова [13, 24].

Следует заметить, что большинство отечественных лингвистов, вслед за Смирницким, придерживаются аналогичной точки зрения, определяя конверсию как способ словопроизводства. Уже в начале 1960-х годов, параллельно с работами А.И. Смирницкого и его последователей, зарубежные лингвисты – М. Докулил и Н. Марчанд также рассматривают конверсию в словообразовательном аспекте и отвечают на вопрос о словообразовательной специфике конверсии. Главный признак конверсии – неразличение соотносящихся по конверсии слов какими-либо словообразовательными аффиксами (с этим постулатом согласны все лингвисты).

По Смирницкому, слова, имеющие один и тот же звуковой комплекс, перешедшие из одного качества в другое, отличаются только парадигмой, которая выступает при данном особом виде словопроизводства в качестве основного словообразовательного средства. Этот вывод он делает на том основании, что система грамматического изменения слова, т.е. парадигма, выступает не только как грамматическое изменение, «характеризующееся с точки зрения различий и соотношений между отдельными входящими в нее формами», как бы изнутри, но и как бы извне «... как данная система форм, рассматриваемая <...> со стороны других парадигм и отличная от них. Парадигма данного слова характеризует его именно как слово определенного типа, определенного грамматического разряда, определенного грамматического класса и тем самым выполняет и лексическую функцию, являясь определенным оформителем слова». Таким образом, специфика конверсии состоит не столько в использовании парадигмы слова в качестве словообразовательного средства вообще, сколько в «использовании ее именно как единственного средства без каких-либо иных

специальных словообразовательных средств» [13, 24-25]. Точки зрения А.И. Смирницкого на процесс конверсии полностью придерживается Е.Г. Сошальская [14, 2-3].

М. Докулил, в свою очередь, на материале чешского языка расширяет рамки понятия «конверсия». В отличие от Смирницкого, ограничивающего конверсию только случаями с неизменной основой без звуковых видоизменений, Докулил признает конверсию, сопровождающуюся фонетическими изменениями [1, 76-77]. Несмотря на отдельные разногласия, А.И. Смирницкий и М. Докулил едины во мнении, что при безаффиксальном словообразовании единственным словообразовательным средством является словообразовательная парадигма мотивированного слова.

Поддерживая в основном А.И. Смирницкого (о конверсии как словообразовательном способе), И.А. Мельчук уточняет некоторые его формулировки. Конверсия, по Мельчуку, «... носитель значения, в каком-то отношении подобный суффиксу, т.е. смысл передается изменением грамматической сочетаемости основы... Конверсия – операция изменения синтактики... Конверсией называется языковой знак, обобщающим которого являются изменения синтактики других языковых знаков». Что «собственно словообразовательным приемом является здесь операция по замене одних морфологических показателей на другие, т.е. смена парадигмы [15, 41-42]. Что касается словообразовательного средства при конверсии, то Мельчук согласен с мнением А.И. Смирницкого, утверждающего, что им может быть только парадигма слова, точнее, – смена парадигм.

Вопрос о двояком аспекте конверсии как акта словообразования в его синхронии и диахронии не получил разрешения, поскольку «... сложный вопрос о взаимоотношении словообразовательных процессов и соответствующих словообразовательных отношений нуждается в специальном рассмотрении»

[16, 3]. В то время как основной ролью словообразовательных процессов является обогащение и пополнение словарного состава, основная роль словообразовательных отношений – структурно-унифицирующая, состоящая в организации простейших элементов лексической системы языка (слов) в более крупные структурно-семантические гнезда (словообразовательные гнезда), в приведении к словообразовательным отношениям в системе языка.

В этой связи П.А. Соболева предлагает свое определение конверсии: «... это такой тип словообразовательных отношений, при котором слова общего корня (то есть одного и того же словообразовательного гнезда) обладают омонимичными основами и различаются парадигмой» [16, 4]. Правда, П.А. Соболева признает словообразовательную роль парадигмы только в диахронном аспекте, с точки зрения синхронии рассматриваемого явления она считает, что можно говорить лишь о словоизменительной роли соответствующих структурно-семантических отношений. То есть П.А. Соболева четко разводит синхронный и диахронный аспекты изучения словообразовательной конверсии.

С.М. Костенко не принимает концепции А.И. Смирницкого, касающейся конверсии, т.к. основным ее противоречием полагает невозможность одновременно требовать, чтобы «конверсия в современном языке рассматривалась как соответствующие определенные словообразовательные отношения в их развитии на данном этапе» [17, 7]. С.М. Костенко видит чистую декларативность в причислении А.И. Смирницким конверсии к одному из видов словообразования, считает, что на деле конверсия «имеет статус определенного соотношения между словами». Основания для такого вывода автор находит в тезисе А.И. Смирницкого, что словами, соотносящимися по конверсии, можно считать любые два слова, имеющие в своих парадигмах хотя бы одну омонимичную форму.

Не согласен С.М. Костенко с определением конверсии, предложенным А.И. Смирницким, т.к. оно противоречит пониманию конверсии как соотношения слов, ведь «приобретение словом всех грамматических форм, присущих данной части речи (т.е. парадигмы), является не причиной, а ее результатом» [17, 8].

Безусловно, теория конверсии А.И. Смирницкого не лишена определенных недостатков и противоречий, которые вскрывает Ю.А. Жлуктенко в статье «Конверсия в современном английском языке как морфолого-синтаксический способ словообразования». Автор задается вопросом, как парадигма может служить единственным средством оформления и разграничения слов при конверсии в тех случаях, когда исходное и производное слова имеют одинаковую парадигму или когда она отсутствует как у исходного, так и у производного слова (т.е. ограничивается одной формой). Причем Ю.А. Жлуктенко утверждает, что различие в парадигме у слов, соотносящихся по конверсии, должно быть обусловлено определенной их сочетаемостью, т.к. «слово образуется не в изолированном виде, а в его сочетании с другими словами. Образующееся при конверсии слово в своей основной форме является омонимом основной формы исходного слова», а также «производное слово принадлежит иной части речи, чем исходное» [18, 61]. Таким образом, Ю.А. Жлуктенко считает, что словообразовательным средством при конверсии наравне с парадигмой должна быть также и сочетаемость слова (грамматическая). Отсюда и процесс, рассматриваемый нами, Ю.А. Жлуктенко предлагает терминировать, вслед за профессором В.Н. Ярцевой, морфолого-синтаксическим способом словообразования.

Наличие разных точек зрения породили множество работ о конверсии после статей А.И. Смирницкого, большинство из которых можно рассматривать либо как интерпретацию его взглядов, либо как их полное отрицание (С.М. Костенко).

Не будем считать единственно правильным нигилистическое отношение к высказываниям А.И. Смирницкого о конверсии, т.к., несмотря на отдельные недостатки его понимания сущности конверсии, именно ему принадлежит одно из важнейших достижений в определении конверсии как словообразовательного акта – указание, если не на единственную, то на большую и активную роль, которую играет при конверсии морфологическое оформление слова, или ПАРАДИГМА. Этот факт применительно к топонимии позволяет нам придерживаться его взглядов на конверсию как специфический прием словопроизводства в нашем исследовании.

На наш взгляд, мнение лингвистов на терминование процесса переходности одной части речи в другую, из одной категории – в другую без использования специальных словообразовательных аффиксов, т.е. без всякого рода материального изменения, не отличается единообразием. Одни дериватологи не считают возможным употребление термина «конверсия» применительно к рассматриваемому нами способу словопроизводства. Так, для С.М. Костенко использование термина конверсия не является удачным, т.к. «... он (термин) наводит на мысль, что при этом способе словообразования одно слово «конвертируется», т.е. превращается в другое, чего на самом деле не происходит» [17, 9]. Хотя автор не исключает возможности сохранения этого термина, при условии, что термин конверсия не будет пониматься буквально, а лишь как условное обозначение определенного языкового явления.

Другие дериватологи считают, что именно термин «конверсия» отражает суть рассматриваемого явления. И.А. Мельчук не считает удачными такие термины, как морфолого-синтаксическое и безаффиксное словообразование, а также и нулевую аффиксацию на том основании, что до конца не ясно, что же является словообразовательным средством при данных процессах, чем передается добавочный

смысл. Вместо этого И.А. Мельчук предлагает описывать рассматриваемое языковое явление в терминах конверсии [15, 42-43, 73-74]. Р.И. Лихтман уверен, что явление, называемое лингвистами безаффиксным способом словообразования и нулевой аффиксацией, которые, по его мнению, обозначают одно и то же, т.к. сводятся к отсутствию материально выраженного аффикса, ближе всего к тому, что А.И. Смирницкий называет конверсией [19, 53-55].

Наконец, некоторые специалисты, изучающие словообразование, придерживаются компромиссного решения, ставя большинство вышеупомянутых терминов в один ряд, на том основании, что все они, в принципе, близки по смыслу. Так, А.Ф. Журавлев, относя конверсию к образованию новой номинативной единицы на базе внутренних ресурсов языка путем создания формально новой единицы, ставит знак равенства между конверсией, флективным и безаффиксным словообразованием [7, 71]. Ю.А. Жлуктенко утверждает, что слово (новое слово) не может образовываться изолированно, а только в сочетании со словами других лексико-грамматических разрядов, он не выступает против употребления термина конверсия. В то же время более обоснованным считает мнение В.Н. Ярцевой на этот счет и считает, что «... конверсия... есть не что иное, как морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором словообразовательным средством являются одновременно грамматическая сочетаемость и грамматическая форма (парадигма) при условии широкого понимания этого термина» [18, 75]. То есть термины «конверсия» и «морфолого-синтаксическое словообразование» для него равны по значению. Е.Г. Кубрякова отмечает, что такие термины, как безаффиксальное словообразование, нулевое словообразование, словообразование с помощью нулевой аффиксации, конверсия часто применяются лингвистами «по отношению к явлениям, демонстрирующим принципиальное сходство» [20, 287].

Близка явлению конверсии субстантивация, которая в словообразовательном плане мотивирована омонимичными прилагательными и причастиями. О.С. Ахманова называет такие слова функциональными омонимами и отмечает открытый характер функциональной омонимии. По ее мнению, этот ряд омонимических отношений принципиально не поддается хотя бы более или менее исчерпывающей инвентаризации, т.к. по существу любое прилагательное в той или иной форме рода и числа может субстантивироваться» [21, 12]. Другое дело, что не каждое, образованное таким путем существительное сразу же закрепляется в языке как «полноценное». Для того чтобы оно «вошло в язык», требуются экстралингвистические факторы.

В.В. Лопатин под такой своеобразной омонимией понимает явление, при котором парадигма одного слова (существительного) является частью парадигмы другого слова (прилагательного, причастия). Субстантивация – это «... образование существительных, структурно мотивированных прилагательными или причастиями, с использованием в качестве словообразовательного средства флексий прилагательного или причастия (парадигмы одного грамматического рода или только множественного числа)... При этом какие-либо другие формальные отличия мотивированного от мотивирующего отсутствуют» [22, 208].

Использование парадигмы (ее изменение, сокращение) в качестве словообразовательного средства отличает субстантивацию от других словообразовательных способов. Видимо, именно эти факторы дают право И.А. Мельчуку, Ю.С. Степанову рассматривать субстантивацию в качестве одного из видов конверсии. Так, для И.А. Мельчука, делающего акцент на синтагматику, механизм образования нового слова путем конверсии таков: используется основа исходного слова, к которой «... присоединяются те грамматические форманты, выражающие морфологические категории, свой-

ственные иной части речи в условиях данной сочетаемости» [15, 62], т.е. переход или субстантивация в конечном итоге. Заметим также, что, ведя разговор о конверсии в русском языке, И.А. Мельчук в качестве иллюстративного материала приводит примеры субстантивации. Ю.С. Степанов, говоря о переходе имен прилагательных и причастий в разряд существительных без каких-либо изменений их морфологического состава (т.е. о субстантивации) во французском и русском языках, называет этот словообразовательный процесс КОНВЕРСИЕЙ. В.В. Лопатин в статье «Словообразовательная структура названий населенных пунктов в современном русском языке» утверждает, что «субстантивация – это частный случай конверсии» [23, 3].

Итак, между конверсией и субстантивацией есть нечто общее. Суть обоих словообразовательных процессов не только в совпадении исходных и производных от них слов по форме, но и в отличии мотивированного от мотивирующего только парадигмой, что отмечают Ю.А. Жлуктенко, Р.И. Лихтман, В.В. Лопатин, И.А. Мельчук, Н.В. Смирнов, Ю.С. Степанов и др. В рамках наших задач мы будем придерживаться точки зрения, что субстантивация представляет собой один из видов конверсии.

Обобщая сказанное, необходимо вернуться к вопросу о возможности использования в ономастическом словообразовательном поле в качестве рабочего термина КОНВЕРСИЯ. Попытаемся обосновать свой выбор. Так, А.В. Суперанская считает, что для обозначения рассматриваемого нами способа образования топонимов, помимо терминов «способ с нулевой аффиксацией», «способ без специальных ономастических формантов», «онимизация (топонимизация) апеллятива», можно применять и уточняющий термин (не исключено, что именно его А.В. Суперанская считает наиболее удачным, отражающим в полной мере суть процесса перехода географического апеллятива в оним) – ономастическая (топонимическая) конверсия. В то же время А.В. Суперанская не согласна с мнением

исследователей-топонимистов, называющих такой способ топонимообразования лексико-семантическим. Она мотивирует свою точку зрения тем, что в словообразовании под лексико-семантическим способом подразумевается несколько иной процесс. А именно – субстантивация прилагательных, а термины «субстантивация», «субстантив» в топонимии, по ее утверждению, могут быть приняты лишь условно, в том смысле, что, перейдя в имя собственное, прилагательное или причастие будет восприниматься как существительное, «содержащее формант, который одновременно служит и флексией именительного падежа единственного числа и словообразовательным суффиксом» [24, 92-93].

На наш взгляд, вряд ли приемлем термин «нулевая суффиксация» применительно к анализируемому в работе языковому явлению, ибо нулевой знак обозначает не просто отсутствие той или иной единицы, а значимое отсутствие, которое является средством выражения определенного значения. Нулевой суффикс, как известно, можно выделять, если он имеет словообразовательное значение, а для этого необходимы два условия:

1) у слова есть значение, которое в языке передается и обычными суффиксами, например, глубь – глубина, глубинный (значение: отвлеченный признак);

2) в языке есть однокоренное слово, более простое по форме и значению, являющееся базовым для слова с нулевым суффиксом, например, тихий – тишь.

Заметим, что именно эти случаи В.В. Лопатин называет нулевой аффиксацией и возражает против именования их и им подобных термином конверсия.

Действительно, нулевая аффиксация должна давать выход на словообразовательную модель суффиксального типа, а суть рассматриваемого нами словообразовательного приема в топонимообразовании как раз состоит в неразличении топонимов-конверсивов какими-либо словообразовательными аффиксами. По мнению профессора Н.К. Фролова, «термин «ну-

левая аффиксация» имеет большее отношение к морфемному анализу, чем к словообразовательному» [25, 149].

Что же касается остальных терминов, используемых в области топонимистики, таких, как «онимизация (топонимизация) апеллятива», «непроизводные названия», «омонимичные нарицательные имена», не будем к ним относиться столь же категорично, как к «нулевой аффиксации», в принципе все они могут быть использованы для описания рассматриваемого нами языкового явления.

Итак, термин **КОНВЕРСИЯ** для данного исследования предлагается в качестве рабочего понятия. За основу в этой связи берется определение словообразовательной конверсии, введенное в научный оборот А.И. Смирницким.

В нашем случае предоставляется возможность очертить круг языковых единиц, способных соотноситься по топонимической конверсии. Известно, что мотивированное слово от мотивирующего отличается двумя признаками:

во-первых, оно сложнее по составу, т.е. включает какую-нибудь словообразовательную морфему (аффикс), что в нашем случае исключено, т.к. мы имеем дело с языковыми единицами, не отличающимися друг от друга словообразовательными аффиксами: единственное, что их дифференцирует – это тематическая, смысловая парадигма (ее изменение, частичное сокращение). Во-вторых, мотивированное слово сложнее по смыслу. То есть имеет какой-либо дополнительный компонент значения, в нашем случае речь пойдет о семантических сдвигах, сужении, расширении лексического значения, переносе значения по сходству, по смежности (метафора, метонимия) для топонимов – однокомпонентных имен существительных, а также смена синтактики для топонимов-прилагательных и причастий, которые функционируют как имена существительные при переходе из имен нарицательных в собственные. Следовательно, по топонимической конверсии могут соотноситься

языковые единицы, отличающиеся друг от друга лишь частичным сокращением словообразовательной парадигмы. А именно: отсутствие форм множественного числа для односоставных безаффиксальных субстантивных названий, форм единственного числа у однокомпонентных названий (плюралия тантум), а также частичное сокращение в формах рода, которые позволяют считать их парадигмы разными (для существительных и субстантивированных прилагательных и причастий).

Таким образом, имена существительные и прилагательные, причастия (в форме именительного падежа единственного и множественного числа всех трех родов), перешедшие из нарицательных в разряд имен собственных, имеющие омонимы в словарном составе русского языка, закрепленные словарями, **будем считать топонимическими конверсивами.**

С точки зрения словообразовательной структуры на территории Тобольска и его окрестностей можно выделить следующие группы топонимических конверсивов (разных по тематике и происхождению):

1) Односоставные безаффиксальные названия, представленные существительными в форме именительного падежа единственного числа, (от непроизводных и производных основ): **БЫК**, порог, **ПОЛЯНКА**, деревня, **ЧАША**, озеро, **ШАНЬГА**, покос. Подобные названия часто являются метафорическими по происхождению. Особо следует выделить в этом типе бессуффиксальные географические термины и номены, входящие в топоним без форманта, которые служат исходной базой для образований топонимов этой группы. При переходе имен нарицательных в имена собственные готовым номинативным единицам сообщается новая функция, сужение (расширение) значения, семантический сдвиг, перенос по смежности (при образовании топонимов путем метонимического переноса в основу кладется мотивировочный признак – «соположение на местности»). Например, **ОЗЕРКО**, озеро, **ДОЛ**, поле, – сужение семантического объема; **ЛЕСОК**, лес, **ГОРКА**, гора – расши-

рение; **ВЕРШИНА**, овраг, **ДОЛ**, лес – семантический сдвиг; **ГОРА**, покос, **ЕЛАНЬ**, деревня – метонимия и т.д.

2) Значительную группу односоставных топонимов образуют названия в форме множественного числа (плюралия тантум). Анализ топонимов плюралия тантум показал, что такие образования преобладают в названиях микрообъектов, сельскохозяйственных угодий (полей, сенокосов), тельмографических объектов, реке – населенных пунктов и водных источников. При этом плюральные конструкции указывают на объекты, занимающие обширные территории, т.е. на величину, пространственную протяженность объектов: **БОЛОТА**, **ГАРЯ**, **МАТЕРИКИ**, **ОЗЕРИНЫ**. Формы множественного числа могут включать в себя понятие множественности, как правило, в этом случае подобные названия имеют в качестве мотивирующих слов местные географические термины и номены: **ЕРМАКИ**, **МЫСЫ**, **СТАРИЦЫ** и др. Нами зафиксированы также формы плюралия тантум, не отражающие понятие

множественности: **ЗАДЫ**, **НИЗЫ**, **ВЕРХА**, **КРЕСТЫ** и т.д.

3) Оказалось, в нашей картотеке имеется немалое количество бессуффиксальных топонимов – субстантивированных прилагательных в форме единственного и множественного числа, указывающих на цвет, продолжительность функционирования, расположение, внешний вид и другие оценочные, физико-географические признаки объектов, а также на флору и фауну региона, например: **СТАРАЯ**, речка, **ГЛУХОЕ**, озеро, **ГРЯЗНАЯ**, речка, **КРУГЛОЕ**, озеро, **МАЛЕНЬКОЕ**, озеро, **БОБРОВАЯ**, речка, **БЕРЕЗОВЫЕ**, покосы и т.п.

Наши наблюдения над системой топонимов-конверсивов Тобольска и его окрестностей носят предварительный характер. Однако несомненным следует признать тот факт, что наличие в территориально замкнутой топонимической системе географических апеллятивов в роли собственных имен географических объектов отражает традиционные в русском языке словообразовательные процессы, интеграция которых все еще носит дискуссионный характер.

Литература

1. Лопатин В.В. Способы именного словообразования в современном русском языке (нулевая аффиксация, субстантивация): автореф. ... канд. филол. наук. М., 1966. С. 3-15.
2. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 1914. С. 423.
3. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 186.
4. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 213.
5. Потиха З.А. Современное русское словообразование. М., 1979. С. 150-152.
6. Голубева Н.П. Изменение лексико-грамматических признаков прилагательных, связанное с субстантивацией: автореф. ... канд. филол. наук. Киев, 1963. С. 1-20.
7. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45-109.
8. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984. С. 112-120.
9. Арутюнова Н.Д. Обратное словообразование и вопросы несобственной деривации // ВЯ. – 1960. – № 3. – С. 71-79.
10. Потапов Ю.Б. Словообразовательная транспозиция в персидском языке в сопоставлении с русским: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1987. С. 1-14.
11. Кизюкевич А.А. Структурно-семантические и ономазиологические аспекты транспозиции как особого способа наименования явлений действительности: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1989. С. 1-17.

12. Сафронова С.П. Конверсия в древнеанглийском языке: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1955. С. 3-7.
13. Смирницкий А.И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностранные языки в школе. – М. – 1953. – № 5. – С. 21-31.
14. Сошальская Е.Г. Стилистическое использование отыменных глаголов в современном английском языке: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1952. С. 2-3.
15. Мельчук И.А. Словообразование и конверсия // Предварительные публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике Ин-та русского языка. АН. СССР. М., 1972. С. 38-76.
16. Соболева П.А. Словообразовательные отношения по конверсии между глаголом и отглагольным существительным в современном английском языке: автореф. ... канд. филол. наук. М., 1959. С. 1-6.
17. Костенко С.М. Конверсия как способ образования глаголов от имен существительных в английском языке: автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1955. С. 3-10.
18. Жлуктенко Ю.А. Конверсия в современном английском языке как морфолого-синтаксический способ словообразования // ВЯ. – 1958. – № 5. – С. 53-64.
19. Лихтман Р.И. Существует ли безаффиксный способ образования в русском языке? // ВЯ. – 1968. – № 2. – С. 51-59.
20. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразования // Языковая номинация. Виды номинации. М., 1977. С. 222-290.
21. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М., 1974. С. 3-12.
22. Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 207-225.
23. Лопатин В.В. Словообразовательная структура названий населенных пунктов в современном русском языке // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 30-33, 39-40.
24. Суперанская А.В. Структура имени собственного. М., 1969. С. 87-93.
25. Фролов Н.К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья. Тюмень, 1996. С. 160.

References

1. Lopatin V.V. Sposoby imennogo slovoobrazovanija v sovremennom russkom jazyke (nulevaja affiksacija, substantivacija): avtoref. ... kand. filol. nauk. M., 1966. S. 3-15.
2. Shahmatov A.A. Sintaksis russkogo jazyka. M., 1914. S. 423.
3. Werba L.V. Izbrannye raboty po russkomu jazyku. M., 1957. S. 186.
4. Vinogradov V.V. Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii // Izbrannye trudy. Issledovanija po russkoj grammatike. M., 1975. S. 213.
5. Potiha Z.A. Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie. M., 1979. C. 150-152.
6. Golubeva N.P. Izmenenie leksiko-grammaticeskikh priznakov prilagatel'nyh, svjazannoe s substantivaciej: avtoref. ... kand. filol. nauk. Kiev, 1963. S. 1-20.
7. Zhuravlev A.F. Tehnicheskie vozmozhnosti russkogo jazyka v oblasti predmetnoj nominacii // Sposoby nominacii v sovremennom russkom jazyke. M., 1982. S. 45-109.
8. Nemchenko V.N. Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanie. M., 1984. S. 112-120.
9. Arutjunova N.D. Obratnoe slovoobrazovanie i voprosy nesobstvennoj derivacii // VJa. – 1960. – № 3. – S. 71-79.
10. Potapov Ju.B. Slovoobrazovatel'naja transpozicija v persidskom jazyke v sopostavlenii s russkim: avtoref. ... kand. filol. nauk. M., 1987. S. 1-14.

11. Kizjukevich A.A. Strukturno-semanticheskie i onomasiologicheskie aspekty transpozicii kak osobogo sposoba naimenovaniya javlenij dejstvitel'nosti: avtoref. ... kand. filol. nauk. M., 1989. S. 1-17.
12. Safronova S.P. Konversija v drevneanglijskom jazyke: avtoref. ... kand. filol. nauk. M., 1955. S. 3-7.
13. Smirnickij A.I. Tak nazyvaemaja konversija i cheredovanie zvukov v anglijskom jazyke // Inostrannye jazyki v shkole. – M. – 1953. – № 5. – S. 21-31.
14. Soshal'skaja E.G. Stilisticheskoe ispol'zovanie otymennych glagolov v sovremennom anglijskom jazyke: avtoref. ... kand. filol. nauk. M., 1952. S. 2-3.
15. Mel'chuk I.A. Slovoobrazovanie i konversija // Predvaritel'nye publikacii problemnoj grupy po jeksperimental'noj i prikladnoj lingvistike In-ta russkogo jazyka. AN. SSSR. M., 1972. S. 38-76.
16. Soboleva P.A. Slovoobrazovatel'nye otnoshenija po konversii mezhduglagolom i otglagol'nym suwestvitel'nym v sovremennom anglijskom jazyke: avtoref. ... kand. filol. nauk. M., 1959. S. 1-6.
17. Kostenko S.M. Konversija kak sposob obrazovaniya glagolov ot imen suwestvitel'nyh v anglijskom jazyke: avtoref. ... kand. filol. nauk. L., 1955. S. 3-10.
18. Zhluktenko Ju.A. Konversija v sovremennom anglijskom jazyke kak morfologo-sintaksicheskij sposob slovoobrazovaniya // VJa. – 1958. – № 5. – S. 53-64.
19. Lihtman R.I. Suwestvuet li bezaffiksnyj sposob obrazovaniya v russkom jazyke? // VJa. – 1968. – № 2. – S. 51-59.
20. Kubrjakova E.S. Teorija nominacii i slovoobrazovaniya // Jazykovaja nominacija. Vidy nominacii. M., 1977. S. 222-290.
21. Ahmanova O.S. Slovar' omonimov russkogo jazyka. M., 1974. S. 3-12.
22. Lopatin V.V. Substantivacija kak sposob slovoobrazovaniya v sovremennom russkom jazyke // Russkij jazyk. Grammaticheskie issledovanija. M., 1967. S. 207-225.
23. Lopatin V.V. Slovoobrazovatel'naja struktura nazvanij naseleennyh punktov v sovremennom russkom jazyke // Onomastika i grammatika. M., 1981. S. 30-33, 39-40.
24. Superanskaja A.V. Struktura imeni sobstvennogo. M., 1969. S. 87-93.
25. Frolov N.K. Semantika i morfemika russkoj toponimii Tjumenskogo Priob'ja. Tjumen', 1996. S. 160.